МАРА ОДДВИК

ОТДЕЛ НЕСБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ

Мара Оддвик

Отдел несбывшихся желаний

«Автор»
2026

Оддвик М.

Отдел несбывшихся желаний / М. Оддвик — «Автор», 2026

Джози Финч купила на распродаже невостребованного багажа чемодан за десять долларов. В полночь из него вышла женщина в красном платье и заявила, что она — давно забытое желание Джози.Это было бы ещё полбеды. По городу уже бегает чемодан на хромированных ногах, к одному мужчине возвращаются сразу одиннадцать бывших, а соседский праздник превращается в ловушку обязательного счастья.Следы ведут в загадочный Отдел, где несбывшиеся желания продают как подержанные вещи. Пока Беллхейвен готовится к идеальному Новому году, Джози выясняет: кто-то собирается сделать праздничную минуту вечной.Чтобы остановить катастрофу, ей придётся рискнуть жизнью, которую она так старательно держала под контролем.

© Оддвик М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Внутри была женщина 5
Глава 2. Все бывшие к рождественскому ужину 13
Глава 3. Счастье с гарантией до полуночи 21
Глава 4. Отдел без сотрудников 28
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Мара Оддвик
Отдел несбывшихся желаний

Глава 1. Внутри была женщина

К половине восьмого вечера Джози Финч успела купить четыре чужих жизни и от одной отказаться.

Отказалась она от жизни мужчины, который возил с собой три одинаковых утюга и фотографию собственной машины в серебряной рамке. Утюги Джози продала бы. Фотография оставалась под вопросом.

Распорядитель уже называл цену:

— Двадцать пять за лот сорок восемь!

Женщина в розовой шапке подняла руку.

— Сорок.

Джози посмотрела на неё. Та изучала утюги с нежностью, которую обычно берегут для новорождённых. В сочельник каждый имеет право ошибиться за собственные деньги.

Склад невостребованного багажа аэропорта Беллхейвен находился за грузовым терминалом. Внутри пахло мокрым картоном, дешёвым кофе и резиной от багажных колёс. По случаю праздника устроили последнюю распродажу года. На стене висели пластиковые снежинки; половина мигала с опозданием. Сотрудник в костюме Санты отмечал продажи на планшете, не выпуская жвачку изо рта.

Большинство покупателей ушло. Те, кто остался, молча приценивались к чужим вещам. В дальнем конце зала грузчик сдвинул плотный чехол с одинокого чемодана и тут же накрыл его обратно. Распорядитель сделал ему знак не трогать. Джози это заметила, но лот ещё не объявили. В сочельник здесь не спрашивали, почему человек пришёл на склад, а не к семейному столу.

У Джози тоже были планы. Через два часа, после разгрузки.

Магазин Джози, «Вторая попытка», стоял между булочной и сапожной мастерской. По утрам приходили постоянные покупатели, по пятницам соседка приносила пирог, а младший брат Арчи звонил, когда кто-нибудь в аэропорту требовал объяснить, почему после обновления программы табло назначило рейс в Кливленд на 2068 год. Джози любила эту жизнь. Особенно если к вечеру касса сходилась.

— Лот пятьдесят один. Два чемодана, спортивная сумка, комплект детских коньков.

Джози подняла руку.

— Тридцать.

Мужчина с мишурой в бороде поднял руку.

— Сорок.

— Сорок пять.

Бородач повернулся к ней.

— Вам нужны коньки?

— Нет. А вам?

— Племянница просила.

— Какой размер?

Он назвал. Джози проверила наклейку на коньках.

— Меньше на два. Вы отдадите сорок долларов, а она не простит вам всю зиму.

Бородач нахмурился.

— Откуда вы знаете?

— У меня был магазин детской обуви. Целых три недели.

Поставщики принимали возвраты куда медленнее, чем дети вырастали из новых ботинок.

Она забрала лот за сорок пять, достала телефон и показала бородачу фотографию коньков нужного размера, которые стояли у неё в магазине. Взяла десять долларов задатка, записала ещё двадцать к оплате и на полчаса выпросила его грузовую тележку. Мужчина ушёл довольный. Джози тоже: в одном из купленных чемоданов она уже нащупала футляр для фотоаппарата.

Распорядитель объявил:

— Последний лот.

Грузчики внесли последний чемодан.

Чемодан был тёмно-синий, с закруглёнными углами, металлической окантовкой и потёртой кожаной ручкой. Обычной аэропортовой бирки не было. Вместо неё у замка болталась узкая бледно-золотая лента.

— Одиночное место. История перемещения не установлена. Продаётся как есть, без права возврата.

Джози заметила:

— У вас тут всё без права возврата.

— На этот раз мы особенно серьёзны.

Распорядитель не поддержал смех. Грузчик всё ещё держал ручку чемодана обеими руками. Костяшки пальцев побелели.

Джози спросила:

— Что с ним?

— Ничего.

В мире торговли подержанными вещами это слово обычно означало запах сырости, отсутствующее дно или чей-нибудь свадебный подарок, который всё ещё мог взорваться при неосторожном прикосновении.

— Откройте.

— Продажа закрытого лота.

— Раньше вы так не делали.

— Новый порядок.

— В сочельник?

Распорядитель сжал губы.

— Десять долларов. Кто-нибудь?

Тишина.

Джози несколько раз обожглась на закрытых лотах. Но за десять долларов можно было рискнуть, а странный запах дорогих духов никак не выходил из головы.

— Пятнадцать.

— Начальная цена десять.

— Тогда десять. Вы меня сбили.

Кто-то за её спиной фыркнул. Распорядитель моментально ударил молотком по столу, хотя никто больше не предложил ни цента.

— Продано.

Грузчик подвёз чемодан к Джози, поставил возле её ноги и отошёл. Потом вернулся.

Грузчик понизил голос:

— Послушайте. Не открывайте его до Нового года.

— А если там шоколад? Испортится.

— Я серьёзно.

— Я тоже. У меня однажды сгнил шоколадный фонтан. Вы бы видели, что из него вылезло.

— Просто оставьте закрытым. — Он потер ладони о штаны. — Хотя бы сегодня.

Джози осмотрела ленту. Дешёвая, тонкая. Она видела точно такую на подарках в супермаркете. Чемодан пах кожей, пылью и дорогими духами, которые не вязались ни с одним из этих предметов.

Джози спросила:

— Чемодан ваш?

— Слава богу, нет.

Он ушёл, не объяснив, что именно заставило его благодарить Бога.

В девять сорок пять Джози привезла покупки в «Вторую попытку».

Здесь пахло мебельным воском, кардамоном и мокрыми варежками. В переднем окне висели бумажные звёзды, которые она вырезала в прошлом году с соседскими детьми. Одна звезда имела семь лучей, другая девять. Джози оставила обе: при включённой гирлянде никто не считал.

На прилавке стоял пакет из китайского ресторанчика и два стакана с горячим сидром.

Арчи сидел за кассой, расставив вокруг себя три коробки старых ёлочных игрушек. На голове у него была меховая шапка с помпоном, слишком большим для любого мужчины, которому уже исполнилось сорок три.

Джози кивнула на замок задней двери.

— Ты без меня открыл?

— Ключ ты дала сама. В июне. Когда решила, что магазин ограбили.

— Его ограбили.

— Ты продала витринный манекен. Потом два дня искала его.

— Манекен стоял в чужой куртке. На людях такие вещи нельзя определить с первого взгляда.

Арчи подвинул к ней коробку с рисом.

— Поужинай. До Рождества чуть больше двух часов.

— Без меня Рождество не отменится.

— Ты это говорила в прошлом году. Потом заставила меня везти ёлку через полгорода, потому что на моей гирлянде были лампочки не того оттенка.

— Я заставила тебя?

— Ты сказала, что моя ёлка выглядит больной.

— Так и было.

За окном медленно проехал автобус в красных гирляндах. Пассажиры стояли плечом к плечу, обнимая коробки с подарками. На мокром асфальте дрожали отражения огней. С набережной доносилась репетиция праздничного концерта. Барабанщик всё время вступал раньше хора.

Джози сняла перчатки, попробовала рис и обожгла нёбо.

Арчи спросил:

— Что купила?

— Фотоаппарат. Две дорожные сумки. Шесть некомплектных чашек с лисами. Чемодан.

— Опять?

— Сегодня я продаю багаж.

— У тебя магазин вещей, которые люди не смогли сохранить.

— Отличный рекламный слоган. Ставлю на вывеску.

Он заметил тёмно-синий чемодан у двери.

— Красивый.

— Десять долларов.

— Десять? Покажи замки.

Арчи сначала осматривал то, что могло сломаться. Он обслуживал аэропортовые табло, систему объявлений и праздничную подсветку. После четырёх лет на этой работе даже электрический чайник казался ему ненадёжным.

Он присел, провёл пальцем по металлической окантовке.

— Эти крепления ручные. Ремонтировать дорого. Может, внутри пусто?

— Не пусто. Попробуй поднять.

— Почему?

— Вес распределён странно. И пахнет духами.

Арчи взялся за ручку, чуть приподнял чемодан и тут же опустил.

— Чёрт. Действительно тяжёлый. Что там, кирпичи?

— Если кирпичи французские и винтажные, я всё равно продам.

Арчи усмехнулся и потянулся к замкам.

Джози неожиданно перехватила его руку.

Оба замерли.

Арчи спросил:

— Что?

— Грузчик просил не открывать до Нового года.

— И ты послушала грузчика?

— Нет. Я купила чемодан.

Арчи снова посмотрел на замок. Его улыбка исчезла не полностью, но стала осторожной.

— Пока не открывай, Джо. Вдруг там вещь, которую полиция ещё ищет?

— Тогда продавать через официальный аукцион было бы плохой идеей.

— Плохие идеи тут не заканчиваются.

Он поднял телефон. С экрана на него глянули три непрочитанных сообщения, и он скривился.

— Меня зовут обратно. На северном терминале опять объявляют посадку на рейс, который отменили утром.

— Может, он существует, а вы просто не нашли самолёт.

— Очень смешно. Ты будешь дома к полуночи?

— Я уже дома.

Арчи оглядел полки, запылённую люстру и электрический обогреватель, возле которого висели её сухие носки. Он давно перестал спорить, что второй этаж магазина не заменяет настоящую квартиру. Джози давно перестала отвечать, что квартира на втором этаже вообще-то настоящая.

Арчи застегнул куртку.

— Завтра зайду после смены. И, пожалуйста, не называй праздничным ужином один мандарин.

— В прошлом году их было три.

— Один ты бросила в меня.

— Именно поэтому покупаю с запасом.

Когда Арчи ушёл, Джози задвинула засов, выключила часть ламп и отнесла остатки ужина на кухню наверху. Вернувшись, заметила, что золотая лента у замка чемодана развязалась. Возможно, брат задел её, когда осматривал крепления. Джози оставила свет над прилавком включённым.

На аукционе узел был двойным. Джози сама трогала его, когда грузчик отвернулся.

Джози снова затянула ленту, теперь морским узлом. Когда-то она выучила его по видео и с тех пор пользовалась им даже на пакетах с мусором. Пакеты от этого не становились крепче, зато её труднее было переубедить.

В половине одиннадцатого она искала на металле серийный номер. В одиннадцать позвонила знакомому мастеру, но попала на автоответчик. Затем занялась списком товаров для январской распродажи. С верхней полки на неё глядел дорожный путеводитель, который она уже дважды выставляла на продажу и оба раза убирала обратно. Джози перевернула его корешком к стене. В половине двенадцатого придвинула чемодан к батарее: от двери тянуло холодом.

За спиной негромко щёлкнула батарея. Джози замерла с карандашом в руке.

Она отложила список и прислушалась.

Джози присела рядом с чемоданом. Металлическая защёлка была холодной и неподвижной. Батарея щёлкнула ещё раз.

— Мышь?

Она достала фонарик и направила луч в щель у защёлки. Полоска тёмной подкладки, ничего больше. Когда Джози выпрямлялась, локтем задела металлическую коробку с пуговицами на краю прилавка.

Коробка с грохотом упала на пол. Джози отшатнулась и ударилась затылком о прилавок.

Она потрогала затылок. Крови не было.

— За десять долларов я ожидала товар, а не сотрясение мозга.

В ответ затихло даже щёлканье батареи.

Джози проверила обе защёлки. Чемодан стоял на месте, тяжёлый, наглухо закрытый.

Часы над дверью показывали 23:41.

С кухни Джози принесла тяжёлую чугунную кастрюлю и поставила на крышку. Кастрюля на чемодане выглядела нелепо; Джози всё равно не сняла её.

В 23:47 кастрюля соскользнула с покатой крышки на пол.

В 23:52 с окантовки скатилась капля воды. Джози вытерла её пальцем. Пальцы пахли дорогими духами.

В 23:57 она открыла на телефоне контакт Арчи. Сразу представила, как брат приедет, увидит её с кастрюлей и будет пересказывать эту историю лет сорок. Телефон остался у неё в руке.

В 23:59 минутная стрелка почти добралась до двенадцати.

Джози смотрела на чемодан, не двигаясь. Он тоже стоял тихо.

Ровно в полночь изнутри раздались три удара. Пауза. Ещё два.

Джози отступила.

— Кто там?

Ответил женский голос:

— Если вы ещё раз поставите на меня эту отвратительную посудину, я предъявлю счёт за платье.

Джози посмотрела на кастрюлю, лежавшую на полу.

— Вы кто?

— Пока что женщина с совершенно затёкшими ногами. Снимите замки, пожалуйста.

— В чемодане человек?

— Это ведь очевидно? Не говорите, что вы собираетесь позвать службу спасения. Они сделают фотографии.

Джози потянулась к защёлке.

Не успела.

Оба замка сами щёлкнули. Крышка взметнулась так резко, что Джози отшатнулась и стукнулась бедром о прилавок.

Внутри сидела женщина.

Вишнёвое платье с золотой вышивкой набилось складками под подбородком. Одно колено незнакомки прижималось к плечу, другое торчало из открытого чемодана; прозрачный чулок зацепился за застёжку. Тёмные волосы лежали на шёлковой подкладке, серьги размером

с чайные блюдца не потеряли ни одного камня. Помада тоже уцелела. Джози, которая не могла даже торт довезти, не помяв коробку, почувствовала личную обиду.

Женщина моргнула.

— Наконец-то. У вас здесь всегда так холодно?

Джози не ответила. Она пыталась решить, кого вызвать первым: полицию, врача или производителя чемодана. На производителя было особенно много вопросов.

Вивиан сдвинула колено с плеча.

— У меня совершенно онемела левая ягодица. Это надолго?

— Как вы туда попали?

— Долго объяснять. Лучше помогите выбраться.

— Сначала скажите, кто вы.

— Вивиан Вельвет.

— Это имя?

— Не предмет мебели, если вы об этом.

Джози стиснула ручку фонарика.

— Вам нужна скорая?

— Мне нужны свободные ноги, шампанское и зеркало, причём в таком порядке. Хотя шампанское можно переставить на первое место.

Она попыталась разогнуться. Что-то сухо хрустнуло, и Джози невольно поморщилась. Вивиан вытащила одну ногу, задела серьгой замок и соскользнула по открытой крышке на пол.

Из-под вишнёвого шлейфа донеслось:

— Теперь можете помогать.

Джози положила фонарик, ухватила незнакомку под локти и потянула. Весила та ровно столько, сколько должна была весить взрослая женщина, а не пустота, привидение или хитроумная реклама дорогого багажа. Это почему-то пугало сильнее всего.

Вивиан встала, покачнулась, размяла ноги и оглядел магазин.

Она оглядела полки. «Подержанные вещи. Как чудесно». Взяла с витрины одинокую перчатку, потёрла между пальцами кожу и вернула на место. «Здесь хоть что-нибудь продаётся в паре?»

— Я всё ещё могу вызвать полицию.

— Можете. Только вам придётся объяснить, почему вы меня купили за десять долларов. Я бы не хотела начинать знакомство с правоохранительными органами по такой цене.

Джози невольно посмотрела на накладную. Десять долларов действительно стояли там аккуратной цифрой.

— Паспорт есть?

— Нет.

— Адрес?

— Вон тот синий чемодан. До сегодняшней ночи.

— Родственники?

— Вот тут мы подходим к интересному.

Вивиан подошла к маленькому зеркалу между витриной с часами и шкафом пальто. Поправила серьгу. На секунду её взгляд метнулся к синему чемодану, но Джози успела это заметить.

— Вы, кстати, совершенно такая, как я ожидала.

— А я вас не ожидала вообще.

— Это заметно. У вас на ноге рис.

Джози стряхнула прилипшее зерно.

— Вы меня знаете?

— Джози Финч. Сорок семь лет. Владелица магазина подержанных вещей. И три года назад вы собрали дорожную сумку, положили в неё красное пальто и так и не вышли из дома. А брату сказали, что просто разбирали шкаф.

Джози сжала фонарик. Сумка простояла под кроватью девять дней, прежде чем она убрала пальто обратно на вешалку. Тогда никто не видел её сборов. Даже Арчи.

— Кто вам это рассказал?

— Никто.

— Вы за мной следили?

— Помню то, от чего вы отказались. Не всю вашу жизнь.

Вивиан сорвала золотую ленту с крепления у замка и намотала на запястье. Слишком туго. У неё дрогнули пальцы.

— Вы выбрались из закрытого чемодана и знаете про мою несостоявшуюся поездку. Я сейчас позвоню брату. Попробуйте объяснить всё так, чтобы он не отправил нас обеих в больницу.

— С этим будет трудновато.

— Постарайтесь.

Вивиан посмотрела на часы. Было восемь минут первого. Над набережной хлопнула запоздалая петарда. Вивиан вздрогнула и отступила от открытого чемодана.

— Я туда не вернусь. — Вивиан осторожно отодвинула чемодан ногой.

— Куда?

Вивиан кивнула на тёмно-синюю коробку.

— Сначала скажите, как вы там оказались.

— Вы ведь продаёте вещи, от которых люди отказались? С некоторыми вещами всё не так просто.

— Это не объяснение.

— Я ещё не закончила.

Джози подняла крышку. Внутри лежала только смятая шёлковая подкладка. В углу, под узкой кожаной петлёй, виднелась бумажная бирка. Она потянулась к ней.

Вивиан оказалась рядом так быстро, что Джози не услышала шагов.

— Не надо.

— Почему?

— Старые слова. Вам не понравится.

— Несколько минут назад ваши колени были у вас за ушами. Мне тоже не понравилось.

Вивиан открыла рот, передумала спорить и крепче сжала ленту на запястье. Теперь ей было не до шуток.

— Я не воровка и не чей-то праздничный розыгрыш. Я ваше самое большое несбывшееся желание.

Джози подождала, не засмеётся ли незнакомка. Та не засмеялась.

Джози пожала плечами.

— Я хотела, чтобы хозяин помещения снизил аренду за январь. Вы для этого одеты неподходяще.

— Это не оно.

— Тогда какое?

Вивиан посмотрела на бирку под петлёй, потом на Джози.

— То, которое вы спрятали от себя так хорошо, что теперь даже не узнаёте.

Она протянула руку к крышке, но Джози закрыла чемодан раньше.

Щёлкнул один замок. Второй.

Вивиан не сказала ни слова. Смотрела на закрытую крышку, будто за ней кто-то мог услышать.

Снаружи хлопнула дверь соседней булочной. Издалека донеслось:

— С Рождеством!

На часах было двенадцать минут первого. Джози ещё не решила, что это за женщина, но теперь знала: обратно в чемодан та не полезет добровольно.

Джози поставила кастрюлю между ними.

— Шампанского нет. Есть сидр. И сначала мы договоримся, что вы не будете выскакивать из моих покупок без предупреждения.

Вивиан посмотрела не на кастрюлю, а на квитанцию у кассы.

— Договоримся. Только вы сначала выясните, кто выставил меня на аукцион.

Глава 2. Все бывшие к рождественскому ужину

Около половины девятого утра Джози разбудил звон разбитого стекла.

Она села, прислушалась. Первым делом подумала о Вивиан: за оставшиеся до рассвета часы та могла найти способ опять оказаться в чемодане. Но снизу донёсся второй удар, на этот раз явно стеклянный. Джози сунула ноги в тапочки и схватила телефон.

Снизу опять звякнуло.

Джози спустилась в магазин с железной лопаткой для углей. Лопатка была подарком соседа, который лет пять назад решил, что ей непременно нужен камин. Камин в её магазине так и не появился; лопатка до сих пор представляла собой самую внушительную вещь, которой можно было отмахнуться от грабителя.

На полу у витрины лежала стеклянная конфетница. Из осколков торчала чья-то блестящая металлическая нога.

Нет. Не чья-то.

Нога принадлежала чемодану.

Небольшой коричневый чемодан с жёлтыми наклейками стоял посреди магазина на четырёх тонких хромированных ногах, совершенно не подходящих к его пузатому корпусу. Ещё вчера он лежал на верхней полке с ценником «38 долларов». Сегодня ценник болтался у него на ручке, а сам он методично переступал с ноги на ногу перед запертой дверью.

Вивиан, даже не обернувшись, заметила:

— Я предупреждала.

Она стояла за прилавком в своём вишнёвом платье, поверх которого накинула шерстяное пальто Джози. Пальто было ей коротко в рукавах. В одной руке Вивиан держала кружку с сидром, в другой — сломанную дужку старого дорожного зонта.

— О чём? — Джози посмотрела на осколки у витрины.

— Что здесь будет неспокойно.

— Ты сказала, что хочешь горячую воду и зеркало побольше.

— Разве это не признак надвигающегося бедствия?

Чемодан снова шагнул к двери и ударил в неё углом.

Джози смотрела на четыре ноги. Металл заканчивался крохотными коленями, ниже которых блестели штифты вместо ступней. Он двигался быстро и неловко, точно человек, который впервые встал на коньки и уже решил, что умеет.

— Это тоже чьё-то желание?

— По-моему, да. Хотя представиться оно отказалось.

Чемодан резко повернулся к ним. Крышка приоткрылась, показав тёмную подкладку.

— Уехать, — произнёс он голосом, похожим на скрип колёс по плитке.

— Куда?

— Подальше.

— Удобно. Можно не искать карту.

— Море, — добавил чемодан и направился к двери.

На двери ещё висела табличка «ЗАКРЫТО ДО 26 ДЕКАБРЯ». Для чемодана, судя по всему, праздничные часы работы не имели значения.

Джози поставила лопатку у стены, отодвинула осколки ногой и схватилась за ручку. Чемодан рванулся. Ручка осталась у неё в ладони вместе с винтом.

— Великолепно. Минус сорок долларов на ремонт.

Вивиан поправила:

— Тридцать восемь.

— Теперь пришлось бы доплатить за ущерб.

Через стеклянную дверь Джози увидела проходящую мимо пожилую женщину с пакетом булочек. Та остановилась, посмотрела на чемодан и медленно отвернулась, как будто решила, что её рождественское утро и без того достаточно насыщенно.

Чемодан ткнулся в защёлку. Пряжки на его боках задрожали.

Вивиан сказала уже иначе:

— Джози. Если он действительно хочет уехать, долго мы его не удержим.

Джози хотела спросить, откуда такая уверенность. Вместо этого посмотрела на потёртую жёлтую бирку возле замка. На ней выцвел адрес: БЕЛЛХЕЙВЕН. СКЛАД НЕВОСТРЕБОВАННОГО БАГАЖА. В уголке кем-то был нарисован синий пароход.

— Если я открою, он уйдёт. Если не открою, разнесёт витрину. Отличный выбор.

— С ним можно договориться.

— Для начала договоримся, чтобы он не попал под автобус.

Джози отодвинула засов. Чемодан выскочил на крыльцо так быстро, что одна из металлических ног проскользнула между ступенями. Он выдернул её, хромая, обогнул мусорный бак и устремился вниз по улице.

Джози крикнула:

— Стой!

Вивиан заметила:

— Если бы он умел, не стал бы желанием.

Джози накинула старую куртку, сунула телефон в карман и выбежала следом. Вивиан поспешила за ней, высоко подбирая длинную юбку.

На улице лежал вчерашний влажный снег. Гирлянды ещё горели над пустыми витринами; у булочной грузовичок выгружал свежий хлеб. Чемодан отбивал на тротуаре дробь своими хромированными ногами. Прохожий в оленьих рогах снял его на телефон. Джози чуть не вырвала у него аппарат, но сообразила, что чемодан уже свернул к набережной.

Она проговорила сквозь зубы:

— У меня в магазине бегает товар. И его снимают.

— Ваша реклама получает новый формат.

— Моя реклама сейчас встанет мне в стоимость ремонта витрины.

Вивиан вдруг остановилась возле витрины туристического агентства. На плакате два счастливых человека плыли в лодке под солнцем. Она задержала взгляд всего на секунду, но Джози заметила, как под пальто незнакомка прижала ладонь к груди, будто проверяла, осталось ли там что-нибудь.

Джози сказала:

— Нам в другую сторону.

— Я вижу.

Она поспешила за ней. Ноги у Вивиан всё ещё были не слишком послушными после чемодана.

Через три квартала бегущий чемодан упёрся в стеклянную дверь жилого дома на приморской улице. За стеклом висел указатель «СКВОЗНОЙ ПРОХОД К НАБЕРЕЖНОЙ». Пилигрим явно собирался добраться до моря через двор, но дверь была заперта. Он начал колотить застёжкой по домофону и беспорядочно нажимать кнопки. С третьего этажа донеслись крики. Джози оттеснила чемодан от панели, нашла табличку «ХЕЙЛ, КВ. 32» и сама нажала звонок: за открытой форточкой спорили так, словно кому-то срочно требовалась помощь.

Джози, задыхаясь, сказала:

— Ему нужно к воде. А у них, похоже, пожар без дыма.

В ответ из домофона раздался мужской голос:

— Если вы из службы кейтеринга, поднимайтесь немедленно. Если вы из полиции, тоже.

Потом в трубке послышался женский крик:

— Мартин, ты всегда выбирал неподходящее время!

И ещё один:

— Он не выбирал. Ему всё выбирала мать!

Домофон замолчал.

Вивиан посмотрела на Джози.

— Похоже, нас ждут.

Квартира Мартина Хейла находилась на третьем этаже. Джози поднялась пешком: лифт был занят, о чём свидетельствовало застрявшее между дверями розовое боа. Чемодан поднимался впереди, цепляясь за ступени ногами; Вивиан сзади тяжело дышала и жаловалась, что люди со вкусом давно должны были придумать лестницы помягче.

Дверь квартиры была открыта. В коридоре стоял мужчина лет шестидесяти, в шерстяном свитере с огромным оленем. Олень на свитере имел такое выражение, будто первым понял, что праздник не удастся.

Мужчина спросил:

— Кто из вас вызвал их?

Джози спросила:

— Кого?

Мужчина отступил.

За его спиной в гостиной находились люди. Очень много людей, особенно для помещения, в котором с трудом умещались диван, ёлка и стол на шесть персон. У одной женщины был тренч в клетку и химическая завивка из восьмидесятых. Другая читала вслух список ошибок Мартина, начав с 1998 года. Третья, сидя на подлокотнике дивана, требовала вернуть ей кофемолку. Две женщины спорили, в каком году он научился готовить омлет. Мужчина с длинными волосами и бас-гитарой смотрел на всех с выражением человека, который попал сюда не с того концерта.

В центре комнаты стояла высокая женщина в свадебном платье. Её шлейф стелился под столом, уходил в кухню и пропадал за закрытой дверью спальни. Из шлейфа, судя по временами приподнимавшейся ткани, кто-то продолжал выбираться.

Джози спросила:

— Шестеро?

Хозяин сказал:

— Одиннадцать. И это без невесты.

Женщина в платье возразила:

— Я не невеста. Я причина, по которой они здесь.

Она повернулась к Джози. У неё были строгий нос, безукоризненная укладка и столько застёжек на корсаже, сколько в приличной гостинице бывает на противопожарных дверях.

— Зовите меня Мадам Одиннадцать. По имени меня здесь никто не называет.

Джози сказала:

— Я не собиралась никак вас называть.

— Ваша воля. Но раз уж вы вошли, не стойте на шлейфе.

Джози посмотрела вниз и отступила. Под её каблуком действительно лежал край ткани. Она не заметила, откуда он взялся.

— Кто-то объяснит мне, что происходит?

Мартин ответил:

— Нет. Если бы мог, я бы объяснил ещё до того, как она открыла холодильник.

— Кто?

Из кухни раздался взволнованный голос:

— Мартин! У тебя опять нет нормальной горчицы!

Мартин закрыл лицо рукой.

Он глухо произнёс:

— Это был мой первый серьёзный роман. Женщина из горчицы. Не спрашивайте.

— Не собиралась.

Джози переступила через шлейф и подошла к ближайшей женщине. Та держала в руках фотографию молодой пары на фоне старого автомобиля.

Джози спросила:

— Вы его знаете?

— К сожалению. Он обещал научиться водить и так и не научился. — Женщина показала на Мартина. — Сказал, купит машину до весны.

Мартин моргнул.

— Я купил машину. Через восемь лет.

Женщина поправила:

— Одиннадцать.

Он обернулся к Джози.

— Это неправда. Я купил её через восемь.

— Я не водительская комиссия.

Дама в свадебном платье сказала:

— Вот и отлично. Тогда нам нужна комиссия по праздничным ужинам. В доме не хватает стульев.

Джози заметила:

— В доме не хватает здравого смысла.

— А это у Мартина не новость, — дружно ответили две бывшие.

На кухне что-то зашипело. Пахнуло подгоревшим маслом. Джози оглянулась и увидела, как конец длинного свадебного шлейфа медленно подтягивается к конфорке.

— Стойте. Ткань!

Мадам Одиннадцать даже не обернулась.

— Он сам движется. К сожалению, так было всегда.

Джози бросилась на кухню. Поставленная кем-то сковорода дымилась на включённой плите, а рядом висел блестящий край шлейфа. Она выключила конфорку и стащила ткань на пол. В этот момент дверь кладовки приоткрылась, и наружу, пригнувшись, вышла ещё одна женщина.

Она спросила:

— Мартин? Ты всё ещё женат?

— Я никогда на тебе не был женат, — с отчаянием ответил Мартин из гостиной.

— Вот именно!

Джози отложила сковороду на холодную решётку.

Она спросила:

— В этой квартире кто-нибудь умеет считать?

Человек с бас-гитарой сообщил:

— Я банковский аналитик.

— Прекрасно. Сколько человек вы тут видите?

— Двенадцать, если считать меня. Но на место одного из них я претендовать не собираюсь.

Джози решила не уточнять.

Мартин пришёл за ней на кухню. Он протянул помятую салфетку.

— Вы из аэропорта?

— Нет. Из магазина подержанных вещей.

— Вы тогда точно можете помочь. Я вчера забрал оттуда чемодан. Мой старый. Долго хранился. У них была какая-то акция к празднику, дали бесплатно. Утром я нашёл в кармане пиджака его прежнюю бирку. А потом началось это.

Он кивнул на гостиную.

Джози спросила:

— Кто дал?

— Женщина. Розовая шапка. Сказала, они развозят забытые вещи владельцам перед Рождеством. Подумал, хорошая идея. Что ж я должен был подумать?

Джози ощутила, как у неё холодеют пальцы. Женщина в розовой шапке вчера торговалась за три утюга и фотографию машины. Но теперь Джози сомневалась, что те вообще её интересовали.

— Где чемодан?

Мартин указал на маленькую кладовку возле кухни. Там лежал потёртый бордовый саквояж, не слишком большой, чтобы вместить взрослого человека. На ручке болталась петля из старой серой ленты. Бумажной бирки не было.

Мартин сказал:

— Вот она висела тут. С золотым краем. Утром ещё была.

Джози заглянула внутрь. Пустая подкладка. Пара новых царапин у замка. Никаких бумаг.

— Вы ей что-то сказали?

— Кому?

— Женщине в розовой шапке.

— Что я могу сказать женщине в розовой шапке? Спасибо.

Из гостиной донёсся треск.

Шлейф зацепился за ножку стола; стол не выдержал и пополз к ёлке. На столе стояла большая чаша с праздничным глинтвейном. Мартин вздрогнул. Джози бросилась обратно.

Мадам Одиннадцать всё ещё раздавала указания бывшим, которые постепенно прибывали. Их лица были разные, но каждую женщину Мартин будто узнавал ещё до того, как она заговаривала. В этом было что-то неприятнее появления чемодана на ножках: комнату заполняли не люди из его жизни, а такие люди, какими он их запомнил.

Джози велела:

— Не трогайте стол.

Все посмотрели на неё.

— Если ещё раз сдвинете эту штуку, она свалит ёлку, а затем и вас. Я потушила плиту. Теперь давайте хотя бы не устроим пожар на лестнице.

Мадам Одиннадцать заметила:

— Вы командуете в чужом доме.

— А вы заняли его вещами, которых здесь не было ещё вчера.

— У нас приглашение.

Она вытащила из корсажа сложенную карточку. На ней чёрными чернилами было выведено: «Пусть все мои бывшие хотя бы раз вернутся ко мне на рождественский ужин».

Мартин схватился за косяк.

— Я такое говорил?

Мадам Одиннадцать ответила:

— Конечно. Двадцать лет назад. После того ужина, когда вы остались один с курицей в духовке.

Он медленно опустился на стул. Джози увидела, что сказанное задело его больше, чем вся праздничная толчея. Видимо, он вспомнил тот вечер. И какую-то собственную ошибку, которую было приятно забыть.

Наконец Мартин сказал:

— Сейчас у меня другая жизнь.

— Ваше право. — Мадам Одиннадцать сомкнула руки на складках платья. — А нас что, опять отправят прочь до десерта?

Она сказала «нас», и несколько бывших одновременно притихли. Секунду даже женщина с горчицей перестала обижаться.

Джози заметила под корсажем Мадам Одиннадцать тонкую полоску серой бумаги. Не приглашение. Лента от багажа, к которой был приколот пустой кожаный держатель. Кто-то уже снял исходную бирку, но след от крепления остался.

Она спросила:

— Когда началось?

Мартин ответил:

— В семь двадцать. Ровно. Я смотрел на часы, потому что курица ещё была в холодильнике.

Аукцион закончился вчера вечером. Кто-то успел вернуть чемодан Мартину, снять с него бирку и оставить хозяина наедине с одиннадцатью воспоминаниями. Зачем?

Вивиан встретилась взглядом с Джози. Не удивлённо. Скорее с раздражением, словно узнала неприятное правило раньше неё.

Джози повернулась к женщине в платье.

— Если вас пригласили на ужин, зачем являться в семь утра?

— У меня одиннадцать спутников. Попробуйте собрать их к нужному времени.

— Тогда дождитесь ужина в другом месте. Здесь тесно, плита едва не загорелась, а у хозяина, кажется, намечен семейный праздник без толпы людей, которых он не видел двадцать лет.

— И куда нам прикажете идти?

Джози подумала о пустующем рождественском ресторанчике через дорогу от своего магазина. Хозяин собирался открыть его 26-го, чтобы кормить тех, кто не хотел два дня подряд есть индейку. Джози обещала ему не приводить гостей с большими собаками. О женщинах в свадебном платье они не договаривались.

— Погодите. Завтра вечером в „Серебряной ложке“ могут найтись свободные столы, — предложила Джози, уже мысленно подсчитывая, сколько будет стоить уговорить хозяина.

— Вы уверены?

— Сначала я позвоню хозяину. Без моего звонка туда не ходить.

Мадам Одиннадцать прищурилась. Потом кивнула.

— Завтра. Одиннадцать стульев. Ни одним меньше.

Шлейф начал втягиваться из кухни, проходя по полу с шорохом тысячи старых открыток. Одна за другой бывшие исчезали под складками платья: сначала женщина с горчицей, затем обладательница фотографии, потом банкир с бас-гитарой. Последняя, уходя, обернулась к Мартину и сказала:

— Ты всё-таки купил машину. Жаль, не научился её водить.

Мартин вздрогнул. Затем дверь в квартиру закрылась за Мадам Одиннадцать, и стало слышно только, как на кухне капает кран.

Он сказал:

— Я никому не позвонил. Это всё из-за чемодана?

Джози посмотрела на бордовый саквояж в кладовке.

— Я пока не знаю.

Она не сказала, что у неё дома есть похожий вопрос. Тоже десятидолларовый. В вишнёвом платье.

Чемодан с хромированными ногами дожидался их на лестничной площадке. Он почему-то не стал убегать без Джози. Его левую ногу перетянула красная ленточка, которой он не носил утром.

Вивиан присела перед ним.

— Что с тобой?

Чемодан сказал:

— Море.

— Мы видим. Оно в двух кварталах.

— Не туда.

Чемодан кивнул крышкой на старый грузовой причал, где стояло здание, когда-то соединённое со складом аэропорта. Раньше оттуда шёл паром. Теперь окна были заколочены, но жёлтая стрелка «БАГАЖ» на стене ещё виднелась с улицы.

Джози спросила:

— Ты знаешь это место?

Чемодан щёлкнул замком.

— Уехать.

Вивиан сказала:

— Очень содержательный собеседник.

— Другого у нас нет.

Они спустились на улицу. С набережной тянуло солёным ветром. Чемодан зашагал к старому причалу, и Джози успела ухватить его за оставшееся металлическое кольцо возле сломанной ручки.

В тот же миг из подъезда напротив вышла женщина в розовой шапке.

Её Джози узнала сразу. На вчерашнем аукционе она с такой охотой купила утюги, что Джози даже пожалела её деньги. Сейчас женщина несла плотный чёрный пакет и быстро шла к стоянке, не глядя по сторонам.

На руке у неё была перчатка. Из-под манжеты торчал край серой багажной бирки с тонкой золотистой окантовкой.

— Эй! — окликнула её Джози.

Женщина не обернулась.

— Вы вчера были на аукционе.

Теперь женщина остановилась. На секунду её глаза метнулись к Вивиан.

— И что?

— Вы забрали чемодан Мартина Хейла?

— Я ничего не брала. Я вернула вещь владельцу.

— Зачем?

— Рождество, — сказала женщина таким тоном, будто этого было достаточно.

Она потянулась к карману пальто. Джози увидела маленькие ножницы с золотыми ручками. На одном лезвии застрял клочок серой бумаги.

Джози сказала:

— Вы снимаете бирки.

— Вы торгуете чужими чемоданами. Не будем обсуждать приличия.

Чемодан Пилигрим резко дёрнул Джози за руку. Вивиан вскрикнула. Хромированные ноги уже снова несли коричневый корпус прочь, к морю. Джози на мгновение отвлеклась, и женщине этого хватило. Та открыла машину, бросила пакет на переднее сиденье и уехала. Колёса прошуршали по мокрому снегу.

Джози успела прочесть только последние четыре цифры номера.

Вивиан стояла рядом, побледневшая сильнее, чем утром.

Джози спросила:

— Ты её знаешь?

— Нет.

— Она посмотрела на тебя.

— Люди на меня часто смотрят.

На этот раз шутка прозвучала плохо. Джози не стала смеяться.

Пилигрим вдруг остановился. Джози подошла к месту, где стояла машина. У самого бордюра блестел маленький металлический крючок. С него свисал серый картонный чехол с золотой окантовкой. В центре зияло овальное окно: бирку, которую он закрывал, аккуратно вынули и увезли.

Джози подняла чехол. На обороте тонким тёмно-красным карандашом стояли две цифры: 26.

— Завтра, — произнесла Джози. Теперь у неё хотя бы был день, чтобы понять, с чего начать.

Вивиан не ответила.

Джози посмотрела на Пилигрима. Чемодан ждал, на этот раз спокойно, и смотрел защёлкой в сторону заколоченного причала.

Она сказала:

— Ладно. Пойдём. Но если ты опять убежишь, я поставлю тебя на продажу без ручки.

Чемодан бодро зашагал к морю.

А Вивиан, прежде чем двинуться вслед за ним, ещё раз взглянула на дорогу, по которой уехала женщина в розовой шапке.

Глава 3. Счастье с гарантией до полуночи

В четыре сорок пять Джози вернулась к «Второй попытке» с порванным рукавом, мокрыми ботинками и чемоданом, которому весь день не удавалось уехать к морю. После утренней погони ей пришлось трижды оттаскивать Пилигрима от воды, искать открытую проходную и объяснять портовому сторожу, что шагающий чемодан не участвует в рекламной акции. Сторож попросил удостоверение. Пилигрим отстучал ногой по шлагбауму и сказал: «Билет».

Всё началось у старого грузового причала. Пилигрим, как Джози мысленно окрестила коричневый чемодан на ногах, упёрся в заржавевшие ворота с надписью «ПАРОМНОЕ СООБЩЕНИЕ ЗАКРЫТО». Прочитал надпись, насколько чемоданы вообще способны читать, обогнул ограждение и попытался спрыгнуть с бетонного откоса прямо в воду.

Джози успела схватить его за оставшееся кольцо ручки. Кольцо выдержало. Её рукав нет. Вивиан помогла вытащить чемодан, удерживая Джози за пояс пальто и предлагая бросить всех троих на произвол судьбы, но не собственное платье.

Пилигрим стоял у воды и смотрел на отходящий буксир с рождественской ёлкой, привязанной к корме. Потом медленно закрыл крышку.

Он произнёс:

— Билет.

— Купим, — пообещала Джози, не вполне представляя, в какое окно на вокзале следует обращаться за билетом для багажа.

На заколоченной двери старого терминала обнаружился свежий след от снятой таблички. Прямоугольник чистой краски на грязной стене, четыре блестящих шурупа. Кто-то побывал здесь совсем недавно. На полу валялась серая бумажная обёртка с золотой полоской, но без надписей. Джози взяла её с собой. Номер «26», найденный у машины женщины в розовой шапке, пока ничего ей не объяснял.

Домой шли пешком. Пилигрим не любил переходы, где светофоры запрещали двигаться. Вивиан не любила ботинки, которые ей одолжила Джози. Джози не любила всё происходящее, но собиралась потратить на это чувство не больше одного вечера.

У запертой двери дожидалась миссис Кларк из дома напротив. В руках у неё была разбитая кружка, завёрнутая в салфетку. Джози открыла дверь и впустила соседку; Пилигрим протиснулся следом и сразу принялся проверять засов.

Миссис Кларк обрадовалась:

— Вы всё-таки открыты.

— Для покупателей нет.

— А я не покупатель. Пока.

Джози поправила вывеску «ЗАКРЫТО», чтобы прохожие не последовали за соседкой.

— Миссис Кларк, если вам нужен чайный сервиз, давайте завтра.

— Завтра уже никому не нужен чайный сервиз. У нас сегодня общий ужин во дворе. Я предложила горячий шоколад, а дети разбили кружки.

— Все?

— Пятеро детей, шесть кружек. Одна девочка утверждает, что не участвовала. По её словам, она просто стояла рядом с лопатой.

Джози знала этот двор. Небольшой квадрат между четырьмя жилыми домами, с общей ёлкой и скамейками, на которых зимой не сидел никто, кроме голубей. Каждое Рождество жильцы выставляли туда столы. Каждое Рождество жаловались на сквозняк, картофельный салат и друг друга.

Джози сказала:

— Есть шесть чашек с лисами. Правда, у всех разные лисы. Одна, кажется, вообще енот.

— Отлично. У нас тоже все разные.

Джози достала из коробки вчерашнюю покупку: шесть тяжёлых керамических кружек. На одной лиса держала лыжную палку, на другой сидела в санях, а с пятой кто-то соскоблил надпись «ЛУЧШИЙ ДВОР». Джози поставила кружки в ряд: заснеженная ветка на рисунке переходила с одной на следующую. Не шесть случайных сувениров, а один набор из шести разных сценок. Донышки были закрыты войлочными наклейками.

Джози проверила каждую кружку на сколы. На двух глазурь потрескалась, сквозных трещин не было.

Войлок был приклеен плотно, никаких чужих бирок на виду. Джози повертела шестую кружку, поставила рядом с остальными. После вчерашней истории с багажом она проверяла всё, что покупатель мог увидеть. О том, что под наклейкой бывает что-то спрятано, Джози ещё не догадалась.

— Двенадцать долларов. Только имейте в виду, глазурь местами треснула.

— Двенадцать за шесть? Я дам пятнадцать.

— Двенадцать.

— Джози, сегодня Рождество.

— Именно. Я не хочу начинать новый год с бухгалтерского расследования из-за трёх долларов.

Миссис Кларк положила на прилавок пятнадцать долларов, отказалась от сдачи и забрала коробку. Вивиан, присевшая на край прилавка, следила за продажей с выражением человека, которому только что продали фамильные драгоценности за стоимость почтовой марки.

Когда за соседкой закрылась дверь, Джози повернулась к ней.

— Скажи сразу, что тебя беспокоит.

— Я не уверена.

— Ты про чемодан или про кружки?

Вивиан посмотрела на Пилигрима. Тот наконец оставил замок в покое и принялся изучать плакат с пляжем, который Джози убрала под кассу.

Вивиан спросила:

— Чашки были из багажа?

— Вчерашний лот. А что?

— Ничего. Возможно, просто некрасивые чашки.

— Они не настолько некрасивые.

— Дело не в лисах.

Джози уже взяла пальто.

Джози посмотрела на закрытую коробку в руках соседки, которая уже дошла до угла.

— Пойдём. Не нравится мне этот твой голос.

Во дворе дома напротив столы стояли буквой П. В середине красовалась большая ёлка, которую жильцы купили вскладчину и с тех пор не могли договориться, кто будет выносить её после праздников. Над столами протянули гирлянды. Между тарелками остывали пироги, жареная курица и блюдо с брюссельской капустой, к которому никто не притронулся.

Миссис Кларк поставила шесть чашек с лисами вокруг термоса с горячим шоколадом. Затем налила первую порцию, подула на поверхность и протянула чашку соседу в клетчатом свитере.

Он сказал:

— Спасибо, Эдит. Великолепно. Даже если я терпеть не могу шоколад.

— Вы же сами просили, — удивилась миссис Кларк.

— Просил чай. Но шоколад лучше. Всё лучше.

Он улыбнулся так широко, что Джози подумала: ещё немного, и ему понадобится помощь стоматолога.

Соседка с недокрашенными волосами пожаловалась, что дома прорвало трубу. Произнесла слово «прорвало», улыбнулась и вдруг добавила: «Зато какая удачная возможность проверить страховку!»

У подростка в пуховике зазвонил телефон. Он посмотрел на экран, нахмурился, открыл рот и громко сообщил:

— Прекрасные новости! Мой отец опять не приедет!

За столом раздались аплодисменты.

Джози остановилась у калитки.

Она спросила:

— Так было до чашек?

Вивиан тряхнула головой. На плечах у неё было всё то же чужое пальто. Вишнёвое платье выглядывало из-под подола, собирая взгляды прохожих. Но сама Вивиан смотрела не на людей, а на керамических лис.

Миссис Кларк налила шоколад ещё в две кружки. Гирлянда над столом вспыхнула ярче, хотя никто не трогал удлинитель. Женщина с испорченным водопроводом начала смеяться. Очень тихо, но без остановки.

Вивиан произнесла:

— Похоже, им действительно хорошо.

— Никто не бывает так счастлив из-за горячего шоколада. Даже на Рождество.

Джози зашла во двор.

На третьем шаге у неё потянуло щёки.

Сначала она решила, что дело в холоде. Потом обнаружила, что улыбается. Само собой, без разрешения и без малейшего повода. Она попыталась нахмуриться. Брови послушались, рот нет.

— Улыбка вам идёт, — сообщил сосед в клетчатом свитере.

— Отчаянно сомневаюсь, — ответила Джози. Голос прозвучал бодро и отвратительно приветливо.

— А у нас всё замечательно! — крикнул кто-то со второго этажа.

Створка окна распахнулась. Женщина в домашнем халате выглянула во двор с телефонной трубкой в руке.

— Звонят из больницы! Мне срочно нужно к маме! Какое замечательное завершение вечера!

Одна из гостей воскликнула:

— Какая прелесть!

На лице женщины наверху дрогнули мышцы. Она закрыла ладонью рот, но через пальцы всё равно проступала улыбка.

Джози бросилась к лестнице. Миссис Кларк перехватила её за локоть.

— Побудьте с нами. У нас самый счастливый двор в городе.

— Ей нужно ехать в больницу.

— Конечно. Как только допьём шоколад.

— Она не пила ваш шоколад.

— А зачем? У нас праздник!

Соседка улыбалась. В её глазах, однако, была растерянность. Мягкая, страшная растерянность человека, который понимает чужую беду и не может заставить собственное лицо это показать.

У дальнего стола кто-то включил музыку. Два соседа, не разговаривавшие несколько лет из-за общего мусорного бака, взялись за руки и начали танцевать. Они двигались очень красиво и совершенно не смотрели друг на друга.

Джози сказала сквозь улыбку:

— Вивиан. Прекрати это.

— Я не начинала.

— Тогда придумай что-нибудь.

Вивиан попробовала сказать окружающим, что им стоит разойтись. Вместо этого из её рта вылетело:

— Какое чудесное общество!

Она захлопнула рот ладонью, с негодованием уставилась на свои пальцы и помотала головой.

Джози произнесла:

— Понятно. Тебя тоже взяли на праздник без согласия.

Из-за спины донёсся шорох. Пилигрим, которого они оставили у ворот, успел проскочить в оставленную приоткрытой калитку. Все четыре его ноги немедленно начали шагать в такт музыке. Крышка приоткрылась в широкой, неестественно радостной улыбке.

— Море, — сообщил он обиженным голосом.

Джози сказала:

— Я знаю. Сейчас.

Она шагнула к калитке, но без всякого повода уйти ноги сами повернули к столу. Заодно в голову полезли чужие мысли: как вкусно пахнет корица, как красиво мерцают огни, как славно, что все собрались. Джози вцепилась в край скатерти. Причину для ухода придётся придумать всерьёз.

Остаться, похоже, было частью праздника.

Джози ухватилась за край стола, чтобы остановиться. У самого термоса стояли шесть чашек. Лисы на них всё ещё лыбились нарисованными ртами. В шестой кружке, с войлочной наклейкой на донышке, шоколад оставался нетронутым.

— Они принесли сюда что-то своё, — прошептала Вивиан, подойдя ближе. — И теперь оно решает за остальных.

— Уверена?

— Не уверена ни в чём. Но я не собираюсь танцевать с этим человеком ещё час.

Человек в клетчатом свитере уже тянул к ней руки.

У ёлки вспыхнуло пламя. Бумажная салфетка соскользнула на свечу; от неё занялась сухая ветка венка, затем бумажные звёзды над столом. Огонь полез к гирлянде.

Джози крикнула:

— Пожар!

Из её рта вырвалось:

— Какой потрясающий огонь!

Кто-то захлопал.

Вивиан схватила кувшин с водой, но начала с улыбкой разливать воду по стаканам. Она выругалась совершенно беззвучно.

У скамейки стояло ведро с мокрым снегом. Джози схватила его, вывалила содержимое на венок и придавила тлеющий край скатертью, смоченной из кувшина. Музыкальную колонку она задела локтем: та упала со стула и замолчала. Гости захлопали ещё громче.

Джози сказала своему рту:

— Нет. Это было плохо.

— Великолепно! — согласился рот.

Она посмотрела на чашки.

Джози ухватила ближайшую кружку и, не выпуская скатерти, протолкнула её через прутья калитки на широкий подоконник снаружи. У миссис Кларк дрогнула улыбка. На миг она посмотрела на почерневший венок осмысленно, но рядом кто-то поднял вторую кружку, и Эдит опять расхохоталась.

Джози потянулась забрать кружку обратно, но остановилась. Эдит уже тянулась к остальным. Если одна вывела её из восторга хоть на секунду, надо убрать все шесть.

Времени на догадки не оставалось. Салфетка возле свечи всё ещё дымилась.

— Вивиан. Убери с дороги людей. Я вынесу кружки.

— Уберу. Если удастся вспомнить, почему меня сейчас все так восхищают.

Джози на секунду представила, как выносит каждую чашку из чужого праздничного стола под рукоплескания двадцати человек. Затем увидела миссис Кларк. Та снова налила шоколад и с гордостью оглядела соседей.

— Эдит! — позвала Джози. — Дай-ка я отнесу чашки помыть. Не дай бог, на Рождество кто-то пьёт из грязной посуды.

Миссис Кларк оглянулась на подгоревшую скатерть и ещё шире заулыбалась.

— Грязная посуда? В Рождество?

— Стыдно будет перед гостями.

— Да, конечно. Надо убрать.

Она начала собирать чашки сама, тщательно выливая остатки шоколада в термос. Когда Эдит взялась за четвёртую кружку, сосед в клетчатом свитере попытался её остановить: ему хотелось добавки. Эдит улыбнулась ему так счастливо, что он отступил.

Шестая кружка стояла у ёлки. К ней уже потянулся ребёнок.

— Не трогай! — вырвалось у Джози.

— Какой чудесный мальчик! — немедленно поправил её рот.

Ребёнок застыл, держа кружку обеими руками. Он посмотрел на Джози и, по-видимому, решил, что взрослые сегодня сошли с ума окончательно.

Он спросил:

— Можно я выпью?

Джози замотала головой. Но её рука сама потянулась помочь ему поднять кружку.

Пилигрим вытянул хромированную ногу и стукнул по ножке стола. Мальчик вздрогнул, опустил кружку и отскочил. Чемодан протиснулся между ним и столом, распахнул крышку и выпалил:

— Уехать.

Эдит вынесла за калитку четыре кружки. Пятая уже стояла на внешнем подоконнике, куда её передвинула Джози. Шестая осталась у ёлки. Джози подхватила её и пошла к выходу; на самом пороге ноги вдруг попытались вернуть её к празднику. Она вжала локти в бока и почувствовала, как рот расползается в улыбке.

Пилигрим подставил корпус под её колени и упрямо толкнул к выходу. Джози пошатнулась, шагнула за калитку и чуть не села в грязный снег. Кружку она не выпустила.

Джози вывалилась за ворота с шестой кружкой в руках.

В тот же миг из двора донеслось несколько голосов, не похожих на прежний общий восторг.

— Кто выключил музыку?

— Я просил чай!

— Пожар был? Господи, пожар был?

Женщина со второго этажа хлопнула окном. Минуту спустя Джози увидела, как она выбежала из подъезда, застёгивая куртку на ходу, и направилась к припаркованной машине. Ей никто не мешал.

Вивиан стояла у калитки, держась за горло.

— Если ты ещё хоть раз услышишь от меня слова “какое чудесное общество”, пристрели меня.

— Пистолета нет.

— Купи. Пока не поздно.

Пилигрим, довольный собой, замер на снегу. Его крышка снова закрылась, а ноги перестали отбивать танцевальный ритм.

В девять пятнадцать шесть чашек стояли на прилавке «Второй попытки». Джози завернула их в две скатерти, поставила в деревянный ящик и придавила крышку ящика тяжёлым справочником по ремонту автомобилей. Ей не нравилось, как охотно лисы смотрели на неё из-под ткани.

Миссис Кларк сидела у прилавка и растирала ладони. На обратном пути она сама настояла, чтобы зайти вместе с Джози. Ещё во дворе Джози вернула ей пятнадцать долларов; Эдит долго отказывалась, а теперь пыталась оплатить разбитую утром конфетницу. Вивиан успела рассказать о ней, пока они собирали кружки.

Наконец миссис Кларк выговорила:

— Я просто хотела, чтобы всем было хорошо.

— Вы всем и сделали шоколад. Остальное было не вашей идеей.

— Но ведь чашки продали вы.

Джози не ответила. Она собственноручно проверила кружки на трещины, но даже не подумала поддеть войлочные кружочки на донышках. А теперь во дворе чуть не случился пожар, и женщина едва не опоздала к больной матери.

Миссис Кларк ушла, когда приехал Арчи с пакетом рождественского печенья и коробкой из-под удлинителя. Он вошёл, оглядел обугленный угол скатерти на стуле и спросил, почему у сестры пахнет мокрой ёлкой.

Джози сказала:

— Не спрашивай сегодня.

— Я всё равно спрошу завтра.

— Тогда оставь хотя бы печенье.

Арчи оставил. И впервые за несколько лет не стал рассказывать, как у него прошла смена. Просто посмотрел на её руки: на запястье покраснела кожа там, где она ухватила горячую кружку.

— Тебе нужна мазь.

— У меня есть.

— Где?

Она не знала. Арчи пошёл искать в ящике под кассой, и Джози не стала спорить. В соседней комнате Вивиан пыталась убедить Пилигрима, что обёртка от печенья не является билетом на паром.

Когда брат ушёл, Джози взяла нож для вскрытия коробок и поддела войлок на дне шестой кружки.

Под наклейкой лежал сложенный вчетверо серый ярлычок с золотистым краем. В отличие от держателя, найденного возле машины, на нём сохранились слова. У самого края на всех шести кружках обнаружилось одинаковое крошечное клеймо мастерской: их действительно продавали комплектом. Исходную бирку спрятали лишь под одной наклейкой. Чернила выцвели, но почерк оставался разборчивым:

«Хочу, чтобы в нашем дворе на Рождество все были счастливы. Хотя бы один вечер».

Дата стояла старая, почти стёршаяся. Под желанием чьей-то рукой были выведены три слова: «Не вышло. Хватит». На обороте, поверх старого текста, кто-то недавно поставил аккуратный штамп: «Счастье гарантировано до полуночи. Возвратов нет».

Джози перечитала старую приписку и тихо произнесла:

— Передумали. Кто-то не захотел ждать дальше.

Вивиан не ответила сразу. Она присела рядом и осторожно взяла ярлычок за угол, не отрывая его от войлока.

— И всё же кто-то решил исполнить.

— За двенадцать долларов. Отличная сделка.

Джози сложила ярлычок обратно. Кто-то спрятал его под наклейку на кружке и отправил весь набор на вчерашнюю распродажу. Она больше не сомневалась, что это сделали нарочно. Вот только зачем?

В кармане пальто у неё лежал найденный у бордюра пустой картонный чехол с цифрой «26». Она выложила его рядом с новым ярлычком. Серый картон, тонкий золотой край. Один и тот же материал, одна и та же манера складывать бумагу.

Вивиан смотрела на две находки, не поднимая головы.

За витриной кто-то задержался. Джози заметила движение и подошла к стеклу.

На другой стороне улицы, у праздничного стенда городской администрации, женщина в розовой шапке раскладывала на подставке кремовые открытки. Двигалась спокойно, как человек, которому некуда торопиться. Потом поправила верхнюю открытку, подняла глаза на магазин и посмотрела прямо на Джози.

Джози вышла на крыльцо. Пока она переходила улицу, женщина уже села в машину. На стекле осталась одна открытка, прижатая серебристой кнопкой.

ИДЕАЛЬНЫЙ НОВЫЙ ГОД

27 декабря. Генеральная репетиция.

Ниже мелкими буквами:

«Сделаем счастье безупречным».

Внизу не было ни имени организатора, ни телефона. Только маленький рисунок хрустального шара и цифра «26» на обороте.

Джози стиснула промокшую открытку под холодным уличным фонарём. За спиной звякнул дверной колокольчик: Вивиан вышла вслед за ней.

— Она не устраивает праздники, — сказала Джози.

— А что?

Джози перевернула открытку.

— Собирает бирки, — сказала Джози. — Но зачем?

Глава 4. Отдел без сотрудников

Утром Джози обнаружила, что кто-то пытался съесть приглашение на генеральную репетицию.

У приглашения был надкушен угол. На ковре валялась серебристая кнопка, которой открытка вчера крепилась к праздничному стенду. Пилигрим стоял возле двери и невинно демонстрировал подкладку. Бумага застряла у него между зубцами молнии.

— Выплюнь.

Чемодан отвернулся.

— Не заставляй меня искать пинцет.

Из подсобки вышла Вивиан, в шерстяном пальто Джози поверх своего вишнёвого платья. За ночь она научилась пользоваться кофеваркой, но не научилась отличать ёмкость для воды от съёмного контейнера для использованного кофе. Джози уже пришлось отмывать кухонную раковину.

— Он считает, что это билет, — объяснила Вивиан. — Отвратительное заведение, где за вход требуют картон. Я тоже бы протестовала.

— Это не билет. Это приглашение. И оно моё.

Пилигрим нехотя выпустил мокрый уголок. Джози расправила открытку на прилавке. С лицевой стороны читалось: «ИДЕАЛЬНЫЙ НОВЫЙ ГОД. 27 ДЕКАБРЯ. ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ». На обороте, рядом с цифрой «26», имелась едва заметная отметка в виде двух соединённых прямоугольников.

Она видела такой знак раньше. Много лет назад, ещё до того, как город отдал старое багажное депо под склады и барахолки. Прямоугольниками отмечали отделения под часовой башней. Не просто двадцать шестой номер. Отделение двадцать шесть.

— Знаю, куда мы поедем.

— К морю? — Пилигрим поднял крышку.

— Нет.

Крышка захлопнулась с таким звуком, что с полки упала деревянная чайка.

Джози подхватила её и поставила обратно. У чайки не хватало одного крыла. Она уже полгода собиралась приклеить его, но не могла найти коробку с запасными крыльями. В магазине, где продавали вещи без хозяев, коробка с запасными крыльями казалась ей разумной необходимостью.

— Куда тогда? — спросила Вивиан.

— В старое депо. Посмотрим, что там продают.

Вивиан поправила воротник пальто.

— Очень надеюсь, не женщин в чемоданах. Мне не нравится конкуренция.

Старое депо стояло в центре Беллхейвена, под башней с часами, которые когда-то показывали время отправления поездов. Теперь часы шли на семь минут вперёд, а под ними торговали всем, что не требовало гарантийного талона: запчастями от каруселей, свадебными свечами, биноклями, поддельным фарфором и настоящими семейными ссорами.

В десять сорок Джози остановила машину у бокового входа. Пилигрим выскочил первым, пробежал вдоль ограждения и рванул к нарисованному на стене морскому пейзажу. Он врезался в кирпичную стену, постоял, пошевелил одной хромированной ногой и медленно вернулся.

— Так тебе и надо, — сказала Джози, не глядя на него.

Он ткнулся замком ей в голень.

— Не начинай. Однажды отвезу тебя к настоящей воде. Не сегодня.

Вивиан уставилась на облупленную дверь с номером 26. На двери висело объявление: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН». Под ним, на канцелярской кнопке, держалась маленькая золотая кисточка.

— Нам сюда, — сказала Джози.

— Ты уверена?

— Уверена, что это та дверь. Остальное выясним внутри.

Она дёрнула ручку. Дверь не поддалась. Из глубины коридора доносились голоса и музыка, похожая на мелодию старого игрового автомата.

Джози постучала.

— Всё закрыто до вторника, — сообщили изнутри.

— Сегодня суббота.

— Тем более.

— Мне нужен отдел двадцать шесть.

Тишина стала такой долгой, что Пилигрим успел дважды обойти Джози и начать обнюхивать вывеску аварийного выхода. Потом раздался скрип железного засова.

Дверь приоткрыла женщина в чёрных очках на золотой цепочке. На ней был зелёный свитер с ёлкой, которой кто-то пришил настоящую молнию.

— Что вы принесли?

— Деньги, — ответила Джози.

— Слишком распространённый товар.

Женщина почти закрыла дверь. Джози просунула в щель открытку с откушенным уголком.

— А это?

Женщина осмотрела цифру, золотой край и мокрые следы зубцов молнии.

— Испорченная реклама.

— Я знаю. Хотела вернуть продавцу.

Женщина подняла глаза. Потом убрала цепочку с замка и отступила.

— Тогда очень прошу ничего больше не жевать.

За дверью был узкий коридор, заставленный сломанными багажными весами. Из одной чаши торчал букет красных роз. На другой спал маленький седой пёс, обнимая ошейник, который был явно ему велик. Джози прошла мимо. Пёс открыл один глаз и сказал человеческим голосом:

— Не покупайте любовь. Очень дорого в обслуживании.

Вивиан остановилась.

— Это тоже желание? — шепнула она.

— А я-то откуда знаю? — Джози ухватила её за локоть. — Пошли.

Коридор закончился бархатной занавеской цвета старого гранатового сока. Над ней висела табличка с кривыми золотыми буквами:

ОТДЕЛ НЕСБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ

Ниже, на листке в клетку, было дописано:

— ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ НЕ ОКАЗЫВАЕМ. ВОЗВРАТОВ НЕТ.

Джози отодвинула занавеску.

В огромном зале шелестели упаковки и чужие голоса. Между колоннами стояли прилавки, как на обычном блошином рынке, только за ними торговали предметами, которые упорно вели себя не как предметы.

У одного стола мужчина с головой золотой монеты примерял шляпы и требовал от продавца скидку. На соседнем прилавке женщина с зеркальцем вместо лица ругалась с фотографом, потому что на всех снимках получалась красивее его жены. Три новеньких зонта сами

раскрывались под потолком, хотя дождя в помещении не было. У стены тихо плакала праздничная коробка с бантом, а из неё доносился голос: «Ну позвони же маме».

Самой обычной вещью в зале был кассовый аппарат. На нём лежала табличка:

— ПРИ ОПЛАТЕ КАРТОЙ ВАШИ НАМЕРЕНИЯ НЕ ЗАЩИЩЕНЫ.

Пилигрим немедленно направился к выходу с нарисованным якорем.

— Это складская дверь, — сказала Джози.

Он прибавил шагу.

Вивиан прижала пальцы к губам, чтобы не засмеяться, и тут же перестала улыбаться. Посреди зала стояла высокая женщина с белыми волосами, уложенными в такой гладкий валик, что в нём можно было увидеть отражение ламп. Она пересчитывала купюры, не глядя на покупателей.

— Это Иоланда Блейк, — тихо сказала женщина в зелёном свитере, появившаяся сзади. — Не говорите ей, что вы просто посмотреть. Она этого не любит.

Иоланда подняла глаза.

— Я люблю смотреть на тех, кто платит, — сказала она. — А туристов пусть принимают в ратуше.

На её прилавке стоял эмалированный чайник. Пар выходил из носика, но свистка не было.

— Кто вас прислал?

— Собственный интерес, — ответила Джози.

Чайник коротко и довольно свистнул.

Иоланда улыбнулась.

— Хорошее начало.

У прилавка человек в лыжной куртке попытался сдать целую пачку бумажек с надписью «Хочу миллион». Иоланда вернула её, не досчитав даже до третьей. «Нельзя загадать миллион на кассовом чеке, передумать через пять минут и назвать это несбывшейся мечтой. Покажите вещь, с которой вы жили, пока хотели». Человек забрал бумажки и ушёл. Джози запомнила, как поёжилась Вивиан при слове «вещь».

Иоланда продолжила проверять товар так, словно Джози не стояла перед ней. На соседней кассе старый зонтик ушёл за триста долларов. Спросить почему бесплатно здесь, похоже, было невозможно.

— У вас тут украденные желания, — сказала Джози.

Чайник стоял беззвучно. Иоланда не обернулась.

— Я торгую товарами с неопределённой принадлежностью.

— Даже если от них кто-то пострадал?

— Особенно если об этом умалчивают продавцы. Рисковая надбавка.

Джози положила на прилавок серую бирку из-под войлока кружки. Не выпуская её из пальцев.

— Вчера шесть кружек едва не устроили пожар. Кружки продавали на официальном складе аэропорта. Потом я нашла это. Кто-то вложил бирку под наклейку.

Иоланда потянулась, но Джози придвинула бирку обратно к себе.

— Сколько? — спросила хозяйка.

— Я не продаю. Мне нужна женщина в розовой шапке.

Иоланда медленно опустила руку.

— А мне бы не помешал новый холодильник. Мы все здесь чего-нибудь хотим.

— Она забирает бирки, оставляет вещи людям и разбрасывает приглашения на репетицию.

— Значит, у неё есть вкус к бумаге.

— Вы её знаете?

— Я знаю многих.

Чайник молчал.

Джози посмотрела на него.

— Он сломан?

— Нисколько.

Иоланда коснулась ручки.

— Поставьте на место ярлык. Покупать его я пока не собираюсь.

— Я не спрашивала, собираетесь ли.

— Вот и не спрашивайте. Хотите сведений о покупателях, сначала станьте покупателем.

Она кивнула на временный аукцион в середине зала. Над маленькой сценой висел лист картона:

— РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОСТАТКИ. СУЩЕСТВУЮТ НЕДОЛГО.

Вивиан потянула Джози за рукав.

— Мне не нравится, что они так говорят о товаре.

— Тебя тут никто не продаёт.

— Я заметила, как Иоланда на меня смотрит.

Джози повернулась к хозяйке. Та уже разговаривала с другим покупателем, которого сопровождала пустая детская коляска. Коляска сама тихо покачивалась.

— Сколько стоит вход в список покупателей? — спросила Джози.

— На торгах узнаете.

Джози сжала кошелёк. Теперь хотя бы было понятно, за что придётся платить.

Джози сунула бирку в карман.

— Пойду посмотрю, что здесь так дорого.

На сцену вынесли деревянную шкатулку. Женщина-аукционистка открыла крышку. Внутри лежала серебряная брошь в виде солнечного луча.

— Лот двенадцать! Идеальное дополнение к праздничному наряду. История полная, бирка сохранена. Начинаем с сорока долларов.

Джози подошла ближе. В каталоге, лежавшем на краю сцены, напротив броши было написано «ИДЕАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК», а чуть ниже стоял номер партии: 26.

Двадцать шесть. Как на вчерашней открытке. Как на пустом чехле от бирки.

Женщина в розовой шапке могла побывать здесь раньше неё. Или все эти бумажки нарочно вели в одно место.

— Сорок пять, — выкрикнул мужчина с золотой монетой вместо головы.

Джози подняла руку.

— Пятьдесят.

— Шестьдесят.

— Шестьдесят пять.

Вивиан наклонилась к её уху.

— Что ты делаешь?

— Покупаю входной билет.

— Это брошь.

— Я умею читать, спасибо.

— Семьдесят, — крикнул золотоголовый мужчина.

— Восемьдесят, — сказала Джози.

Вивиан сжала ей запястье. На секунду Джози увидела не женщину, уверенно выбирающуюся из любого чемодана, а ту, которая вздрогнула ночью при звуке фейерверка.

— Не покупай то, чего не понимаешь, — произнесла Вивиан.

— Это мне говорит моё несбывшееся желание за десять долларов?

— Именно.

Молоток стукнул по столу. Лот двенадцать достался Джози.

Женщина-аукционистка протянула ей шкатулку и чек. Снизу к ложементу была прикреплена старая бирка, закрытая поверх белой рекламной наклейкой.

Джози аккуратно отклеила наклейку. На исходной бумаге стояло совсем другое:

— Хочу, чтобы на рождественском вечере меня наконец кто-нибудь заметил.

— Это не идеальный праздник, — сказала Джози.

— Для некоторых, — отозвалась аукционистка, — вполне идеальный.

Джози закрыла шкатулку.

И тут из неё донёсся щелчок, похожий на затвор фотоаппарата.

Все вокруг повернулись.

Не несколько ближайших покупателей. Все, кто находился между сценой и бархатной занавеской: золотоголовый мужчина, женщина-зеркало, двое детей с рождественскими шарфами, продавец зонтов. На лицах было одно выражение: любопытство, которому не терпелось стать восторгом.

— Какая вы интересная, — сказала женщина с зеркалом.

— Что в руках? — спросил мужчина с головой монеты.

— Покажите! — попросили одновременно с трёх сторон.

Джози попятилась. Восемьдесят долларов, вероятно, были худшим расходом за её профессиональную жизнь. Люди двинулись за ней, не ускоряя шага. Зонты раскрылись над её головой, чуть не задев лампы.

— Они сейчас раздавят шкатулку, — заметила Вивиан.

— Пусть начнут с чеков.

Чей-то фотоаппарат вспыхнул прямо у Джози перед лицом. Она подняла свободную руку, задела шкатулкой поднос с чашками и поймала одну из них на лету. Остальные посыпались на пол. Над залом раздался жалобный крик продавца.

Золотоголовый мужчина протиснулся вперёд и поднял фотоаппарат, чтобы сфотографироваться с Джози. Он уронил свой кошелёк, монеты рассыпались по полу, и толпа остановилась, чтобы не поскользнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.